«Советское кино» 6 апреля 1968

КРАСИВАЯ ЛЮБОВЬ АРИНЫ

Рассказывает Майя БУЛГАКОВА

«Извергая клубы тяжелого, серого дыма, пассажирский поезд, как огромное пресмыкающееся, исчезал в степной дали, в желтом море хлебов. Вместе с дымом поезда в знойном воздухе таял сердитый шум, нарушавший в продолжение нескольких минут равнодушное молчание широкой и пустынной равнины, среди которой маленькая железнодорожная станция возбуждала своим одиночеством чувство грусти», — так начинается горьковский рассказ «Скуки ради», на основе которого Киевская студия им. А. П. Довженко создала одноименный фильм.

Все мы, кто так или иначе был связан с этим фильмом, старались буквально дословно переложить этот рассказ на язык кино. Страшный, безжалостный рассказ о том, как на тихой, затерявшейся среди унылых степей железнодорожной станции скуки ради завязался «роман» между двумя одинокими людьми: темной, забитой кухаркой Ариной и степенным стрелочником Гомозовым, и как изнывающие от безделья станционные обитатели скуки ради жестоко высмеяли «влюбленных», после чего, неожиданно для всех, кухарка повесилась...

Мне очень дорог образ Арины. Все, что с ней случилось, — не банальная мелодрама, как видели ее, должно быть, обитатели станции. За этой неприкрашенной правдой жизни встает великая трагедия. Трагедия любви.

Наиболее значительной, дающей ключ ко всему образу Арины, представлялась мне сцена, когда после шутовского величанья «новобрачных» Арина убегает в равнодушную и молчаливую степь. Что она чувствовала, что думала тогда? У Горького эта сцена описана очень скупо. И вот я стала домысливать для себя самочувствие Арины. Ведь, если бы ее обидели только людские насмешки? Она попросту взяла бы расчет и ушла подальше от этого места, от этих людей. Но почему-то Арина повесилась. Почему же?

И я поняла вдруг: ведь, уйдя в степь, она ждала! Ждала Гомозова, тосковала и верила, что придет он к ней. Плакала, кричала и ждала. А когда поняла, что он предал ее, что не придет, не утешит, не скажет больше своих небрежно-снисходительных слов, тогда жизнь потеряла для нее всякий смысл.

Передать всю силу и глубину трагедии моей героини, полюбившей своего грубого, нескладного стрелочника, как Джульетта, я и старалась в этой сцене.

Как Джульетта! Я не боюсь сказать это о своей немолодой, очень некрасивой, темной, забитой Арине. Не только смертью своей доказала она свою духовную красоту, свое нравственное превосходство над всеми, кто ее окружал, над миром их убогих интересов, над всей этой станционной аристократией, живущей бездуховной, тоскливой жизнью и оживляющейся только на четыре минуты в сутки, когда на станции останавливается пассажирский поезд.

Вместе с режиссером Артуром Войтецким искали мы черты, которые выгодно отличали бы Арину от окружающих. Мы видели их в ее глубоком единении с природой, в том, что в ночи, например, она умела слышать удивительные звуки, видеть манящие огоньки, которых другим не дано ощущать. И не мудрено, что такая духовно богатая, красивая женщина полюбила глубокой, настоящей любовью.

Роль Арины — центральная в фильме. Но без тех, кто окружает мою героиню, и особенно без замечательного актера В. Санаева, игравшего стрелочника Гомозова, роль эта попросту не существовала бы. Л. Шагалова, В. Сергачев, Е. Шутов, В. Дорофеев, Ю. Можуга — вот мои товарищи, с которыми мне было легко и интересно работать...

Правда всегда была для Горького выше жалости. И, следуя за ним, мы старались, чтобы история, рассказанная нами, вызывала чувство уважения к красивому человеку, каким была Арина.

На снимке: М. Булгакова в фильме «Скуки ради».